

Цинь Чжэнго завтракал, когда увидел новости.

Ему было шестьдесят восемь лет. Он занимал пост директора Китайской академии наук, входил в первый состав академиков и являлся признанным светилом физического мира. За свою жизнь он дважды удостоивался Государственной премии высшей степени в области науки и техники, вырастил тринадцать учеников-академиков и принял участие практически во всех крупных научно-исследовательских проектах — от программы «Две бомбы и один спутник» до квантового спутника. В его кабинете висела каллиграфия, написанная им самим: «Наука не терпит примесей».

В этот момент он сидел за обеденным столом, левой рукой держа пиалу с пшеничной кашей, а правой сжимая палочки для еды. Арахис, зажатый между ними, замер в воздухе и не двигался уже ровно тридцать секунд.

По телевизору крутили повтор вчерашней пресс-конференции. Кадр замер на том самом классическом моменте: маленькая девочка с хвостиками-рожками, закутанная в великоватую на три размера академическую мантию, карабкалась на стул у президиума, словно перелезая через забор. Сначала закинула колено, потом вторую ногу, поерзала всем телом на стуле и наконец уселась ровно.

— Безобразие!!

Цинь Чжэнго грохнул палочками о стол, арахис отлетел и закатился под буфет. Супруга выглянула из кухни, бросила на него взгляд и тут же скрылась обратно: прожив с этим стариком сорок лет, она знала, что его вспышки гнева во время просмотра телевизора — дело привычное, лучше просто не обращать внимания.

Но на этот раз Цинь Чжэнго не успокоился после обычной ругани. Он встал, заложил руки за спину и сделал три круга по гостиной, а выражение его лица сменилось с гнева на боль, а с боли — на глубокую ярость, похожую на чувство человека, чью веру осквернили посреди белого дня.

— Академик! Семь лет! Высшая министерская категория! — бубнил он на каждом кругу, и с каждым разом его голос звучал всё громче. — За кого они принимают Академию наук? За кого они держат звание академика? Детский сад! Чистой воды детский сад!

Он подошел к письменному столу, выдвинул ящик и достал чистый лист бумаги. Затем надел очки для чтения, открыл колпачок перьевой ручки и принялся писать.

Он писал весь оставшийся день.

Три тысячи слов. От истории развития академической системы до серьезности оценочной научно-исследовательской базы, от важности фундаментальных дисциплин до вреда искусственного подстегивания роста. Каждое слово было выведено аккуратно, каждое

предложение — тщательно выверено. Он не выступал против Юэ Сяюэ — он даже в глаза не видел этого ребенка. Он выступал против превращения науки в фарс, против вознесения семилетнего ребенка на чуждое ей место, из-за чего ученые всего мира будут поднимать Хуася на смех.

Последний абзац он сформулировал так:

«Если этот шаг предпринят лишь ради пропаганды, то это позорит достоинство науки; если же он сделан искренне, то это превращает государственную научно-исследовательскую систему в балаган. При любом исходе создание такого прецедента грозит бесконечными бедами. Убедительно прошу высшее руководство отменить прежнее решение и не позволять научному сообществу Хуася покрывать себя позором».

Он расписался, поставил личную печать, вложил документ в конверт, запечатал его и написал: «В Государственный совет». Покончив с этим, он откинулся на спинку стула, снял очки и потер уставшие глаза.

Зазвонил телефон.

Это был Линь Цзяньцзюнь.

Цинь Чжэнго снял трубку, и его тон был холоден, как замороженное мясо только что из холодильника:

— Генерал Линь, если вы звоните, чтобы замолвить словечко за того ребенка, оставьте это. Мое мнение уже изложено в письме.

— Старик Цинь, — голос Линь Цзяньцзюня звучал на редкость неторопливо, даже с какой-то странной выдержкой. — Я советую тебе приехать на базу. И посмотреть своими глазами.

— На что смотреть? На то, как она стучит по клавиатуре? — Цинь Чжэнго фыркнул носом. — Линь Цзяньцзюнь, ты военный, а не научный работник. Ты ничего не понимаешь. Наука — это не фокусы, и крут не тот, кто быстрее бьет по клавишам. Пусть она хоть всю мировую сеть взломает, это не значит, что она достойна звания академика. Что такое академик? Это академическое признание, это почет, которого удостаиваются люди за системный вклад в науку. Что она сделала? Написала вирус? Взломала чей-то компьютер? И это называется вкладом?

Линь Цзяньцзюнь на мгновение замолчал. Затем произнес:

— Вчера она в одиночку уничтожила элитных хакеров из сорока семи стран мира за десять минут.

Цинь Чжэнго на секунду замер:

— Это техника, а не наука.

— Она заодно исправила двенадцать критических уязвимостей в национальной опорной сети. Инженеры Microsoft, изучив ее исправления, заявили, что это самая изящная архитектура из всех, что они когда-либо видели.

— И всё же это техника.

Тон Цинь Чжэнго не смягчился, но голос стал чуть тише.

— Старик Цинь, — голос Линь Цзяньцзюня внезапно помрачнел, в нем прозвучала такая серьезность, какой Цинь Чжэнго от него еще никогда не слышал. — Я всю жизнь прослужил в армии и повидал немало гениев, но такую, как она, вижу впервые. Ты можешь сомневаться в моем суждении, но ты не имеешь права не дать ей шанс.

В трубке воцарилось молчание на несколько секунд.

— Бесполезно тыкать в меня пистолетом, — сказал Цинь Чжэнго, хотя на этот раз говорил гораздо медленнее. — Академия — это вам не игрушки.

— Я не тыкаю в тебя пистолетом, — в голосе Линь Цзяньцзюня промелькнуло едва заметное веселье. — Я приглашаю тебя. Приезжай и проверь ее сам. Если она пустышка, я, Линь Цзяньцзюнь, принесу тебе извинения прямо в лицо. Но если нет...

— Тогда я сам налью ей чаю и извинюсь, — перебил его Цинь Чжэнго, и его голос звучал твердо, как камень. — Завтра я приеду лично.

Он повесил трубку и вернулся к столу. Пшеничная каша уже остыла, покрывшись сверху тонкой пленочкой. Жена вынесла из кухни новую порцию горячей каши, поставила перед ним и бросила на него взгляд:

— Собираешься навестить ту девчонку?

— Поеду выведу ее на чистую воду.

Цинь Чжэнго взял пиалу и сделал глоток, обжигаясь так, что скривился.

Жена ничего не ответила и молча вернулась на кухню. Выйдя оттуда, она принесла корочку клубники — дочка привезла ее вчера, наказала угостить паку. Она поставила ягоды рядом с

рукой Цинь Чжэнго.

— Если и вправду хочешь ее разоблачить, не ходи с такой физиономией. Увидев твое лицо, ребенок расплчется от страха, и что ты тогда проверишь?

Цинь Чжэнго глянул на коробку с клубникой и промолчал.

Ранним утром следующего дня Цинь Чжэнго в сопровождении двух помощников прибыл к воротам научно-исследовательской базы. На нем был добела застиранный френч маоцзэдуновского кроя, в кармане торчала перьевая ручка, а в руке он держал старый портфель. Этот наряд сопровождал его уже тридцать лет: в нем он докладывал обстановку в Госсовете, в нем же ездил и на ядерный полигон в пустыне Гоби.

Линь Цзяньцзюнь ждал его у ворот. Старики переглянулись, но никто из них не улыбнулся.

— Где ребенок?

— В лаборатории. Только что позавтракала, кормит муравьев.

Бруви Цинь Чжэнго сошлись на переносице, образовав складку в виде иероглифа «чуань»:

— Кормит муравьев?

— Говорит, муравьи у входа в столовую в эти дни перебираются на новое место, им нужны силы, — ответил Линь Цзяньцзюнь с таким серьезным видом, что Цинь Чжэнго даже не понял, шутит тот или нет.

Дверь в лабораторию была приоткрыта. Когда Цинь Чжэнго толкнул ее и вошел, Юэ Сяюэ сидела на корточках в самом углу и выкладывала на полу прямую линию из кусочков разломанного печенья. Во рту у нее торчала чупа-чупс, а волосы сегодня были заплетены в две косички — причем сразу было видно, что плела она их сама: левая толщиной с морковку, а правая тонкая, как палочка для еды.

— Вы тот самый дедушка? — Юэ Сяюэ подняла на него взгляд и не стала вставать, так как была целиком сосредоточена на муравье, ползущем вдоль дорожки из печенья. — Подождите минутку, ладно? Он почти дошел до финиша.

Цинь Чжэнго застыл на пороге, глядя, как эта малышка со всей серьезностью подбадривает муравья, и вдруг почувствовал, что билет с физическими задачами в его кармане выглядит как-то глупо.

Но он все же достал его.

— Юэ Сяюэ, — он развернул листок на столе, стараясь говорить как можно мягче, — сможешь решить для дедушки эти задачки?

Юэ Сяюэ поднялась, отряхнула крошки печенья с коленей, подошла к столу и бросила взгляд на бумагу.

А затем улыбнулась.

<http://bllate.org/book/22405/2351863>